

многие знатоки вопроса. Выступая на общем собрании Государственной Думы 16 марта 1910 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин не без резона заявил, что земля для бывшего скотовода получает рыночную ценность. «В степи, – говорил он, – появляются цены на покосы, на пашни, на скот, на хлеб, увеличивается количество рабочего скота, появляются киргизские запашки...» [7; 1908. № 3. С. 64].

Несомненно, переход к новым условиям хозяйствования казахам дался довольно трудно. Он связан был с ломкой привычного строя жизни, требовал физического приспособления к новому характеру труда. Для местного населения переход к оседлости означал настоящую социальную и экономическую революцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив РК (ЦГА РК). Ф.25. Оп. 1. Д. 2121. Л. 170.
2. «Тургайская газета». Оренбург, 1907. №19; Вопросы колонизации. СПб., 1910. №6. С. 255.
3. Полферов Я.Я. Среди инородцев. СПб., 1903. С21-22.
4. Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М., 1986. С. 67.
5. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 332.
6. Оренбургский край. Оренбург, 1906. № 16.
7. Вопросы колонизации. СПб., б.г. № 2. С. 51

8. Сельскохозяйственные данные за 1914 год. Оренбург, 1915. С.30.
9. Хозяйственное развитие Киргизской Советской Социалистической Республики. Отчетный обзор Киргизского экономического совещания за 1923 и 1924 гг. Оренбург, 1924. С. 35.
10. «Оренбургская газета». Оренбург, 1906. № 2529.
11. «Троицкий вестник». Троицк, 1908. № 51.
12. «Киргизская степная газета». – Алматы, 1994. – С. 660.
13. Ужгин С.С. К заселению степи // Приишимье. Петропавловск, 1913. № 1.

Түйін

Мақалада Қазақстанның солтүстік аймағындағы қазақ халқының отырықшылыққа және егін шаруашылығына көшеуі туралы мәселе қозғалған. Авторлар қазақ қоғамының түрлі әлеуметтік құрылымының жер шаруашылығына ауысу себептерін қарастырады. Аталмыш құбылысқа олар өздерінің объективтік түсіндіретін негіздемелерді береді.

Conclusion

In the article there raised a problem of transition Kazakh population of the northern regionsof Kazakhstan to the settled way of life and agriculture. The authors consider the reasons of involving different social strata of Kazakh society into of agriculture. The grounds of the objective necessity of that process are given in the article.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МНЕМОНИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Жаркова В.И., Бравцева Т.Н.

За несколько последних десятилетий в литературоведческой науке опубликовано значительное количество работ, рассматривающих художественные возможности категории памяти на примерах анализа творчества отдельных писателей и поэтов. Необходимо отметить, что такие исследования одновременно появляются как в России, так и в Америке и странах Европы.

Актуализация интереса к данному феномену в российском литературоведении была обусловлена необходимостью осмысления литературы русского Зарубежья, где тема памяти занимала центральное место. Однако вскоре наряду с исследованиями о литературе иммиграции в аспекте памяти стало переосмысливаться и творчество писателей-классиков: А.П. Чехова, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского.

Накопленные теоретические и практические материалы привели к тому, что в современной науке остро обозначился вопрос о формировании мнемонического подхода к изучению художественных произведений. Чтобы разрешить данную проблему, считаем необходимым обратиться к истории вопроса.

Еще А.Н. Веселовский писал в «Исторической поэтике» о значении для литературы исторической памяти, которая «минует мелочные факты, удерживая лишь веские, чреватые дальнейшим развитием» [1; 134]. Для Веселовского память – это способ накопления творческого опыта, влияющего на становление и эволюцию литературных жанров и средств художественной выразительности.

Однако категория памяти важна для литературоведения и другими своими аспектами, в

выявлении которых особую роль сыграли исследования Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина и В.С. Библера. Изучая культурную память искусства, ученые выделяют три аспекта памяти: нравственный, аксиологический и эстетический. Неоспоримо их мнение о том, что память – это ключевой показатель нравственных качеств – личных, семейных, гражданских, социальных. В этом случае память выступает как процесс рефлексии какого-либо явления прошлого, получающего ценностно-смысловую оценку в настоящем. В.С. Библер сравнивает нравственность со стволом дерева, кольца которого символизируют исторические формы нравственной идеи. «Ствол нравственности тем мощнее, чем больше в его срезе «годовых колец», тем памятьливее наша совесть», – утверждает исследователь, предлагая «духовно опереться на исторически развитую нравственную память» [2; 284]. И литература, как никакой другой вид искусства, способна приобщить человека к этой «нравственной памяти». Такое осмысление памяти в литературоведении считают антропоцентричным, ведь оно не только указывает на человека как субъекта воспоминаний, но и позволяет дать характеристику внутреннему миру человека, что является особенно важным при анализе образов художественных персонажей.

Нравственный аспект актуализирует и аспект аксиологический, исследующий роль памяти в духовно-практическом освоении мира личностью. Изучение аксиологического аспекта категории памяти дает возможность выявить нормы, идеалы и ценности, которыми руководствуется не только автор произведения, но и его герои. В литературоведении аксиологический аспект связывают, прежде всего, с исследованием творческого наследия Ф. Достоевского, Л. Толстого и А. Чехова. Выделенные аспекты характерны для любого вида памяти. Третий, эстетический, аспект присущ лишь памяти искусства.

Осмысление идей Веселовского, Бахтина, Лотмана, Библера, Лихачева и использование достижений таких наук, как философия, психология, культурология, этика, феноменология, социология, в области изучения памяти позволили современным литературоведам рассматривать ее как особый подход при изучении художественных произведений.

Особый вклад в обоснование эффективности данного подхода внесли Б.В. Аверин, З.Г. Минц, Ри Чжон Хи, Д.Э. Томпсон, О.В. Евдокимова, Т.Б. Ильинская, И.Ю. Матвеева, Н.З. Коковина, С.Ю. Сидорова. Эти ученые рассматривают возможности категории памяти, анализируя творчество отдельных авторов, раскрывая

при этом специфику поэтику памяти каждого из них. Отсутствие же фундаментальных обобщающих работ по поэтике памяти вызывает определенные затруднения не только при определении терминологии, но и в практическом применении подхода. Это проявляется в тех исследованиях, где возможности и функции категории памяти механически накладываются на текст художественного произведения, что влечет за собой искажение трактовки образа героя, структуры сюжета, хронотопа или авторской концепции в целом. Работы же, в которых авторы отталкиваются непосредственно от самого текста, позволяют взглянуть на творчество писателей и поэтов под новым углом, углубиться в нравственный, аксиологический подтекст.

В этом отношении особого внимания заслуживают работы Б.В. Аверина «Набоков и набоковиана» (1997), «Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова» (1999), послужившие материалом для создания книги «Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции» (2003). Изучая творчество Набокова, Аверин связывает категорию памяти как с личностью самого писателя, который «очень хорошо помнил свою жизнь», «бесчисленное количество текстов, от «Илиады» до сочинений третьестепенных современных ему писателей» [3; 22], так и с использованием в литературном творчестве этих возможностей индивидуальной авторской памяти, проявившихся в бесчисленных реминисценциях и автоцитировании. Анализируя место и роль воспоминаний в сюжете произведений, ученый приходит к выводу о возникновении в поэтике Набокова нового сюжета – сюжета воспоминания, которого не было в литературе XIX века. Аверин проводит резкое разграничение между сюжетом в традиционном рассказе о некогда пережитом прошлом и мнемоническим сюжетом Набокова. В первом воспоминание играет служебную роль, во втором – «царственно-центральную» [3; 28]. Как отмечает Аверин, Набоков в произведении сосредоточивается не столько на картинах прошлого, сколько на самом процессе их актуализации в настоящем, что делает память центральной темой творчества писателя. Большое внимание ученый уделяет структуре повествования, выделяя как специфическую черту мнемопоэтики Набокова смещение временных пластов, «где резкие переходы из прошлого в настоящее часто никак не обозначены, не обоснованы, и читатель вынужден прерывать чтение в недоумении непонимания» [4; 231]. Таким образом, Аверин рассматривает категорию памяти на двух уровнях: на уровне художественного

произведения, где данная категория выступает в качестве темы, мотива, реминисценции, автоцитирования, а также участвует в организации мнемонического сюжета, хронотопа и структуры повествования, и на уровне автора, где индивидуальная память Набокова непосредственно участвует в творческом процессе.

Заметим, что применительно к художественному творчеству для литературоведа важно не столько накопление писателем информации о реальности, сколько трансформирование этой информации воображением, вступившим в творческий союз с культурной памятью. Поэтому чрезвычайно важной для понимания природы художественного творчества является связь памяти и воображения, отмеченная еще Аристотелем [5; 410], объектом памяти для которого являются образы. Воображение, владея образом уже исчезнувшего ощущения, продолжает помнить.

Зарубежный исследователь творчества И. Бунина Ю. Мальцев, используя достижения феноменологии, в книге «Бунин» поднимает вопрос о роли памяти в творчестве писателя. Ей посвящены главы «Прапамять», «Элизий памяти», в которых говорится о борьбе Бунина-художника со временем. Мальцев разграничивает память – как духовно-биологическую связь с таинственными основами бытия – и более «тривиальное» воспоминание. Исследователь пишет, что «память у Бунина разрывает тенеты временного существования, преодолевает и останавливает время» [6; 121]. Бунин включается Мальцевым в ряд великих художников, чье искусство метаисторично. Книга Мальцева не только открывает новые грани художественного наследия Бунина, но и пополняет современные литературоведческие исследования по вопросу памяти такими понятиями, как «трансцендентальный субъект», «феноменологический принцип», «феноменологический роман», «прапамять», «элизий памяти», дополняет «классические» методы литературоведения инструментариум феноменологии памяти П. Рикера.

Среди работ, посвященных изучению категории памяти в творчестве Ф.М. Достоевского, заслуживает внимание книга Д.Э. Томпсон «Братья Карамазовы и поэтика памяти» (Великобритания), представляющая собой опыт интерпретации романа в соотношении с поэтикой памяти. Память рассматривается исследователем не только как тема и предмет, но и как принцип художественного построения произведения. По ее мнению, «запоминание, забывание и предчувствие (предвидение) – вот три основных типа реакций на приобретенный опыт» [7; 54]. В «Братьях Карамазовых» образы людей,

помнящих, забывающих и предсказывающих, образуют три главных аспекта системы художественной памяти. Все вместе они играют принципиальную роль в эстетической, формальной и тематической организации романа. Основа всех трех – запоминание, поскольку, только обладая памятью, человек способен понимать современность и смотреть в будущее. В работе Томпсон уделяет большое внимание анализу феноменов культурной памяти, использованных писателем в романе.

И.Ю. Матвеева в диссертации «Воспоминание в художественной системе романа Л.Н. Толстого «Воскресение», исследуя феномен памяти, рассматривает роман писателя одновременно и как «роман о воспоминании», и как «роман-воспоминание». Исследователь приходит к выводу, что, с одной стороны, воспоминание для Толстого является предметом исследования, с другой – оказывается особым способом художественного мышления писателя, проявившимся в приеме автоцитирования [8; 214]. Свое внимание Матвеева сосредоточивает на последнем романе Толстого, явившемся итогом творческих и духовных исканий писателя, и отмечает, что «динамику романа создают напряженность и разрешение противоречия между изменчивостью и постоянством, чередование воспоминаний и рефлексий, а также конфликт и единство старой и новой точек зрения» [8; 178]. Воспоминания, как отмечает автор работы, играют значительную роль в создании психологизма, раскрытии внутреннего мира героев.

А.А. Журавлева, занимающаяся изучением феномена памяти в творчестве А.П. Чехова, особое внимание уделяет процессу становления и утверждения данной категории как значимого элемента художественного мира и многофункционального приема поэтики писателя. Журавлева приходит к выводу, что использование Чеховым феномена памяти в равной степени обусловлено художественной необходимостью и литературной традицией, а также научными интересами и профессиональными знаниями писателя. Таким образом, ученый подтверждает выводы Б. Аверина, О. Сливицкой, Д. Томпсон, О. Евдокимовой о влиянии авторской памяти на творческий процесс, на содержание художественного произведения.

Среди разнообразных феноменов памяти, представленных в художественном творчестве, Журавлева выделяет способность чеховских героев помнить, вспоминать, забывать, грезить, мечтать, фантазировать, бредить, видеть сны. Поднимая вопрос о функциях исследуемой категории в организации временной структуры

произведений, исследователь отмечает, что воспоминание у Чехова находится в тесной связи с реализацией мотива времени, возникающего в диалогах героев о теме возраста, размышлениях о течении времени, в осознании движения жизни. Здесь важными оказываются возрастные категории: «детство», «молодость», «зрелость», «старость», – при рассмотрении которых память помогает не только вернуться в прошлое и расширить временные границы художественного мира, но оценить прожитую жизнь, поступки и мысли героев.

Анализируя повествовательную структуру чеховской прозы, Журавлева отмечает, что повествование строится «в форме воспоминаний главного героя, через призму восприятия которого пропущены рассказываемые события» [9; 74]. При повествовании такого типа возникают «два основных временных плана – художественное настоящее время или точка отсчета, с которой начинается повествование, и прошедшее... в котором происходят события, ставшие предметом описания» [9; 108]. Ценностью научного исследования Журавлевой стало значительное расширение феноменов памяти, встречающихся в произведениях (мечта, воображение, сон), а также углубленное изучение взаимосвязи памяти и мотива времени. Среди возможных функций категории памяти литературовед отмечает ее участие в создании сюжетной динамики, интенсификации формы, изобразительного, психологического и сюжетно-композиционного лаконизма.

Анализ литературоведческих исследований позволяет сказать, что рассмотрение категории памяти как особого аспекта анализа художественных произведений значительно расширяет представление не только о специфике творчества и мировоззрения того или иного писателя, но и помогает глубже понять внутренний мир героев, раскрыть авторскую позицию. В связи с этим в работах исследователей четко разграничивается авторская и художественная память. Авторская память представляет собой комплекс опыта и знаний писателя о культурном и историческом прошлом, «участвующий в творческом процессе наряду с воображением, сознанием, подсознанием, разумом и интуицией» [10; 254]. Под художественной памятью подразумевают память, которой наделены герои произведений. Эта память реализуется только в рамках художественной реальности.

Следует отметить, что на сегодняшний день среди литературоведов нет острой полемики по поводу того, как правильно и на каких

уровнях текста следует применять категорию памяти при изучении художественного произведения. Однако все же можно отметить некоторые расхождения при трактовке таких категорий, как «прапамять», «роман-воспоминание», «роман о воспоминании», «мнемонический сюжет». Среди ученых не сложилась пока и единая типология феноменов памяти (в это понятие вкладывают разнообразные значения: от простого воспоминания до архетипического мифа). Объяснить это можно спецификой того художественного материала, который был выбран исследователями для анализа, а также особенностями авторского сознания.

Таким образом, можно сказать, что в современном литературоведении формируется мнемонический подход к изучению художественных произведений. Однако, несмотря на эффективность в практическом применении, данный подход требует дальнейшей разработки некоторых своих теоретических положений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 134.
2. Библер В.С. Нравственность. Культура. Современность. – М.: Иск-во, 1988. – С. 284.
3. Аверин Б.В. Гений тотального воспоминания. О прозе Набокова // Звезда. – 1999. – №4. – С. 22-28.
4. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. – СПб.: РХГИ, 2003. – С. 231.
5. Аристотель. О памяти и припоминании / Пер. С.В. Месяц // Космос и душа. – М., 2005. – С. 410.
6. Мальцев Ю.В. Бунин. – М.: Посев, 1994. – С. 121.
7. Томпсон Д.Э. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 344 с.
8. Матвеева И.Ю. Воспоминание в художественной системе романа Л.Н. Толстого «Воскресение»: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 239 с.
9. Журавлева А.А. Феномен памяти в художественном творчестве А.П. Чехова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 153 с.
10. Пономарев Я.А. Психология творчества. – М.: Наука, 1990. – С. 254.

Түйін

Мақалада әдеби шығармалардағы жәд сәтатының жүзеге асырылу тәсілдері қарастырылады.

Conclusion

This article deals with the ways of realization of category of memory in literary read.